

Память 01 августа (ст.стиль 19 июля)

Житие преподобной матери нашей Макрины

Прп. Макрина (IV век) – сестра святителей Василия Великого и Григория Нисского, родилась в Каппадокии. После смерти жениха она отказалась от замужества, посвятив жизнь воспитанию младших братьев и сестер, а затем вместе с матерью основала женский монастырь в своем имении в Понте. Отличалась строгим подвижничеством: спала на досках, соблюдала крайнее воздержание, руководила сестрами с мудростью и любовью. Обладала даром чудотворения – исцеляла больных, по ее молитвам во время голода не оскудевала пшеница. Скончалась в 380 году, сохранив девство и непрестанную молитву до последнего вздоха. Похоронена в одной могиле с родителями.

Святая Макрина родилась в Каппадокии в царствование Константина Великого¹. Родителями ее были Василий и Эмилия; она была у них первым ребенком и была старшей сестрой Василия Великого², Григория Нисского³ и других братьев и сестер. У честных родителей всего было десять человек детей: четыре сына и шесть дочерей. Этой первой дочери до рождения ее по Божию откровению, бывшему матери во сне, было дано имя Фекла: а именно перед самым временем рождения мать уснула и увидала во сне, что она носит на руках еще не рожденное дитя. И подошел будто бы какой-то светлый и честный муж, посмотрел ласково на дитя и три раза назвал его Феклой, давая знать, что это дитя будет подражательницей целомудренной жизни святой первомученицы Феклы⁴ и вольной мученицей без крови.

Проснувшись после этого видения, Эмилия родила это дитя и назвала его Феклою; но домашние и родственники захотели лучше назвать ее Макриною, по имени ее бабки с отцовской стороны, святой Макрины, которая в царствование Максимиана Галерия⁵ подверглась вместе со своим мужем гонению за Христа и семь лет скиталась в пустынях, терпя крайнюю нужду, пока не прекратилось гонение. Итак двойное имя было у новорожденной: Фекла по откровению, Макрина по прозванию; и не напрасно: она унаследовала богоугодную жизнь от обеих тех угодниц Божиих, так же, как и они, пылая в сердце пламенной любовью к Богу. Привычка называть ее Макриною настолько укрепилась среди людей, что некоторые и не знали ее первого имени, и все звали ее другим: верим, что под обоими теми именами записана на небе, в книге жизни эта невеста Христова.

Девочку вскормили, и, когда ребенок стал приходить в возраст, мать начала ее воспитывать и учить грамоте, начиная не с языческих басен (как это делали обыкновенно другие матери) и не с сочинений поэтов, в которых много такого, что недостойно чистого девического слуха; она выбирала из книги премудрости Соломона⁶ и из псалмов Давида или из других книг божественного писания подходящие стихи, и именно такие, которые заключали в себе или молитвы и славословия Божии, или же добрые нравоучения. Девочка училась успешно, она была способная; и были постоянно у ней на устах слова книжные и молитвенное пение на всякое время дня: вставала ли она с постели, или принималась за какое-либо дело, садилась обедать или вставала из-за стола, полдень и вечер она не пропускала без пения, псалмов, и, отправляясь спать, она совершала установленную молитву. Она была научена матерью и рукоделию, свойственному девице, и ей не

позволяли проводить время в праздности и детских играх, но постоянно занимались или чтением книг, или рукоделем.

Когда отроковице исполнилось двенадцать лет, она оказалась настолько красивой, что не было подобной девушки во всей той стране; даже живописцы не могли изобразить красоту лица; поэтому много богачей и знатных людей беспокоили просьбами ее отца, каждый желая женить на ней своего сына.

Отец же Макрины, как благоразумный человек, выбрал из всех одного юношу, отличавшегося среди других не только знатным происхождением, но и разумом и добронравием, и обручил с ним свою прекрасную дочь Макрину; но свадьбу отложил, пока девушка подрастет и достигнет брачного возраста. Юноша же дожидался и успешно занимался науками; но Бог, устраивающий всё премудро, по Своему смотрению пресек временную жизнь его и перенес его в жизнь вечную. Тогда блаженная девица, в юных летах отличавшаяся разумом старицы, твердо решила ни за кого не выходить замуж, но сберечь в чистоте девство свое до конца жизни. Много юношей упрашивали Макрину выйти замуж, и сами родители и родственники уговаривали ее вступить в брак; но она, не по летам рассудительная, словно не юная, а скорее старица, по своим благоразумию и рассудительности, отвечала:

– Не хорошо девушке, обрученной одному жениху, выходить за другого, незаконно преступить однажды совершенное обручение; ведь по естественному закону супружество должно быть одно, как одно рождение и одна смерть, а тот, кому я обручена и кого называют умершим, не умер, – верю я в надежде воскресения, – а жив и только ушел далеко в другую страну до времени общего воскресения; не мал грех и позор супруге, если она, по уходе куда-нибудь своего супруга, не сохранит супружеской верности, а соединится с другим.

Так отвечала благоразумная девица Макрина всякому, кто говорил ей о браке и советовал выйти замуж, и сохраняла себя в непорочном девстве; она была постоянно при своей матери, как при бдительно стороже ее жизни и служила ей усердно, со смирением, не стыдясь и тех работ, которые исполняли барыни, но работала всё с ними вместе, как бы одна из рабынь. Особенно, когда отец ее отошел к Господу, она стала для овдовевшей матери неотступной служанкой и утешительницей во всех ее печалях и скорбях; она усердно смотрела за всем домом, а всем остальным своим братьям и сестрам, как старшая, была учительницей и наставницей, как вторая мать, в особенности же последнему брату Петру, который родился во время кончины отца: когда он явился в мир из утробы матери, отец ушел из мира; этого последнего брата сама святая Макрина научила грамоте, воспитала его благоразумию и добронравию, научила его целомудренной жизни, и он был потом святителем, не последним среди угодников Божиих.

Когда брат ее Василий, который родился после нее, возвратился домой после многих лет учения в различных странах и стал по своей юности гордиться своей ученостью, святая Макрина кроткими и боговдохновенными речами своими вскоре привела его к такому у смирению, что он вскоре презрел всё житейское и избрал себе монашескую жизнь. Эта истинная раба Христова и другого брата, по имени Невкратия, еще юного, своими душеполезными беседами обратила к любви Божией и к чистой жизни: оставив всё, Невкратий ушел в пустыню, где, служа престарелым пустынноикам, окончил свою жизнь в молодых еще летах.

По увещанию этой благоразумной девицы и мать ее, блаженная Эмилия, устроив остальных дочерей замуж и отпустив на волю рабов и рабынь, оставила заботы и попечение этого суетного мира стали Христовыми невестами, приняв на себя иноческий образ. Некоторые и из рабынь захотели вместе с ними отречься от мира и пойти в монастырь, и всё у них было общее, одна келья, один стол, одни одежды; всё, нужное для жизни у них было поровну; они служили Господу единократно, в смирении, кротости и любви, и не было у них ни гнева, ни зависти, ни ненависти, ни презрения, ничего такого, что не было бы угодно Богу: они совсем были чужды суетных желаний и тщеславия. Их слава была в том,

что никто их не знал, богатство в нищете, пища в воздержании; отрясши от тела всё земное, как пыль, они пели псалмы и читали книги день и ночь. Одно постоянное было у них дело и отдых от труда – богомыслие и молитва, а попечение и труды для нужд тела они считали неважными поделками, а не самым делом.

Какой язык может рассказать богоугодную жизнь их, протекавшую в постнических подвигах, коими они уподоблялись ангелам? они были как бы средостением между ангелами и людьми, превосходя телесных людей и равняясь с ангелами чистотой и воздержанием; они не сравнились с ангелами только тем, что те были бестелесны, а они имели тело. Если б кто и сравнил их с ангелами, не ошибся бы; действительно, одетые телом, они подражали бестелесным, предстоя с ними на небе пред Богом боголюбивым сердцем. Такое житие проводили они не малое время, но до самой старости и смерти.

Когда преподобная Эмилия уже в преклонных летах приближалась к блаженной кончине своей и ослабла телом, пришел к ней последний сын ее Петр, проводивший богоугодную жизнь, и вместе со святой Макриной ухаживал за матерью во время ее болезни. При самом же разлучении ее с телом у постели умирающей с обеих сторон сидели ее дети, Макрина и Петр, и называли по именам остальных братьев и сестер, а она всем, как сокровище, оставляла свое материнское благословение. Потом, положив одну руку на Макрину, а другую на Петра, она сказала, обратившись к Господу:

– Тебе, Господи, отдаю начаток и десятину от плодов моего чрева: начаток – эта перворожденная дочь, – десятина – этот последний сын! Ты в Ветхом Завете повелел приносить Тебе начаток⁷ и десятину плодов⁸: пусть Тебе будут они благоприятной жертвой и пусть снизойдет на них Твоя святыня!

С этими словами она предала свою святую душу в руки Божии. И похоронили с честью дети свою мать, положивши тело ее в гроб своего отца, при мощах ее мужа: так она распорядилась перед смертью. Спустя несколько времени после этого святой Василий Великий поставлен был архиепископом Кесарии каппадокийской и посвятил в пресвитеры своего брата Григория (называемого Нисским), а также пригласил к себе и другого брата, Петра, и причислил его к церковному причту; узнав об этом, святая Макрина порадовалась в душе. Через девять лет она опять услышала о святом Василии, что он преставился к Господу, и горько опечалилась, скорбя не столько о смерти родного брата, сколько о том, что угасло такое светило Церкви и пал такой столп благочестия. Потом приблизилось время отхода к Богу и самой святой Макрине; об ее честном преставлении святой Григорий, епископ Нисский, ее брат, пишет следующее.

Через девять месяцев⁹ по кончине Василия был созван собор епископов в Антиохии, на котором был и я (говорит Григорий); после собора я собрался посетить и повидать нашу сестру Макрину; давно мы с ней не видались, – мешали многие беды и неприятности, которым я подвергался, гонимый всюду арианами. Итак, я отправился к ней: когда я проехал уже очень много и уже приближался к месту назначения, за день до моего прибытия к сестре ночью во сне было мне следующее видение. Мне казалось, что я ношу на руках мученические мощи, от которых исходят светлые лучи, как от светлого зеркала положенного против солнца, так что глаза мои не могли смотреть на этот яркий блеск. Это видение повторялось три раза в одну ночь, и я не мог его понять; а в душе у меня была какая-то печаль, и я отправился в путь, ожидая, как то сбудется этот сон. Когда я был близко от того места, где блаженная Макрина проводила ангельскую и небесную жизнь, и когда многие вышли мне навстречу на пути и приветствовали почтительно меня, я спросил одного из знакомых о моей сестре Макрине: мне сказали, что она тяжело больна. Я поспешил, скорбя в душе; прибыв в обитель, я пошел сначала в церковь, где все монахини ожидали нас. После молитвы и благословения я увидел, что среди монахинь нет их игуменьи, моей сестры Макрины, и тяжело мне стало на сердце. Я пошел в ее келью и нашел ее тяжело больной, лежавшей не на постели, а на земле, на доске, покрытой рубищем; деревянное изголовье было также прикрыто рубищем. Увидев меня, входящего в дверь, она поклонилась и упала на руки: встать она не могла, но, насколько можно было ей

поклониться с постели, она отдала мне поклон, я же поскорее поднял ее, положил на том же месте и со слезами целовал ее. А она протянула руки к Богу и сказала:

– Благодарю Тебя, Владыко Боже мой за то, что ты и это благодеяние оказал мне, исполнил мое желание, послал Своего слугу посетить рабу Твою.

Потом она начала разговаривать со мной, скрывая свою болезнь: она не хотела опечалить моей души, поэтому изредка слабо стонала, стараясь, как-нибудь удержать частые вздохи, и смотрела на нас со спокойным лицом. Ведя серьезные речи, она вспоминала Василия Великого; грустно мне стало при этом на душе, и я не мог удержаться от слез. Она, увидав мои горькие слезы, тотчас перестала говорить о Василии и начала о другом; стала говорить о дивном Промысле Божиим и Его заботах, о будущем веке, о том, зачем человек был создан и как он стал смертным, как через временную смерть переходит в вечную жизнь, – и другие боговдохновенные речи вела она, давая нам великую пользу, и своей душе радость: она полна была Духа Святого: как бы из источника какого истекала благодать из уст ее, и весь ум ее был занят небесным. Окончив разговор, она сказала мне:

– Пора тебе, отец, отдохнуть немного от долгого пути и подкрепить тело пищей.

Хотя мне и не хотелось уходить от нее и прекращать приятный разговор, в котором я поистине находил покой душе своей, однако я не осмелился послушаться ее, раз ей так захотелось; и я ушел от нее. Нам было приготовлено место для отдыха в ближнем саду, очень красивом, под сенью деревьев, но ничто меня не радовало; сердце мое болело; я видел, что сестра моя близка к смерти, и ждал, как сбудется мое сновидение, которое, – я уже понимал, – начинало исполняться, и которое я толковал себе так: мощи мученические – это сестра Макрина, которая, действительно, истощая себя в течение стольких лет постническими подвигами ради любви к Богу, умертвила свое тело, как мученица, и совсем умерла для греха; лучи светлые, исходившие от мощей, означали благодать Духа Святого, обитавшую в ней.

Среди таких моих печальных размышлений, блаженная, узнав это духом, прислала мне сказать, что болезнь ее уменьшается, и ей стало легче. Это она сделала, чтоб я не печалился, и не терял надежды на ее выздоровление; этого этим она утешала меня, говоря иносказательно не о телесном, а о душевном своем здоровье: тогда я, обрадовавшись этой доброй вести, принял пищи и немного уснул. После я опять пришел к ней, и она снова начала душеполезную беседу, вспоминая все благодеяния, оказанные ей и всей нашей семье; и приносила за эту глубокую благодарность Богу. Я же слушал и наслаждался ее словами, думая про себя: если б этот день был подлинней, чтоб побольше насладиться ее речами! День уже склонялся к вечеру и нас призывало время к вечерней службе в церковь. Больная отпустила нас, а сама стала усердно молиться Богу.

На следующий день, когда я пришел к ней (говорит святой Григорий), я уже видел, что она скончается: я видел, что все телесные силы оставили ее, и я очень опечалился. Она поняла мою печаль и стала утешать меня различными боговдохновенными словами и душеполезными рассказами, а сама была полна духовной радости: в ней не было ни страха смерти, ни даже какого-либо смущения, но одна только надежда на Бога. К полудню она еще более обессилела, перестала разговаривать с нами, а стала беседовать в молитве с Богом, воздевая к Нему руки. Молилась она таким тихим голосом, что мы едва слышали. В молитве ее были следующие слова:

– Ты, Владыка, удалил от нас страх смерти, ты устроил так, что конец этой временной жизни будет для нас началом вечной лучшей жизни. Ты успокаиваешь наши тела сном смерти не надолго и опять разбудишь их последней трубой. Ты наше брренное тело, созданное Твоими руками, вверяешь земле, как сокровище; и то, что даешь ей, опять взыщешь с нее, преобразив смертное и неблаголепное в бессмертное и благолепное. Ты избавил нас от проклятия и греха, Ты стер голову змея¹⁰ и вырвал из его пасти поглощенного человека. Ты сокрушил врата ада и, покорив силу того, кто властвовал на смертью, открыл нам путь к воскресению; Ты дал боящимся Тебя знамение, крест Твой святой, для утверждения и сохранения нашей жизни. Боже Вечный, Которому я предалась

от утробы матери моей, Которого со всей силой души я полюбила и Которому с юности я отдала свою душу и тело! приставь ко мне светлого ангела, дабы он отвел меня в место светлое и прохладное, где есть вода покоя¹¹ и лоно¹² святых отцов! Ты, удаливший огненное оружие, заграждающее вход в рай разбойнику, распятому вместе с Тобою и вверившему себя Твоему милосердию, помяни и меня, рабу Твою, во Царствии Твоем: ведь и я распяла себя вместе с Тобою, пригвождая страхом Твоим свое тело и всегда исполняя Твои повеления. Пусть не отделит меня та страшная пропасть от Твоих избранников, а завистник пусть не остановит меня на пути, пусть не будут перед глазами Твоими моих грехов, которые по естественной слабости нашей я совершила пред Тобою или словом, или делом, или помышлением! Прости меня, ибо Ты имеешь власть отпускать грехи! Устрой с моей душой так, чтобы она, освободившись от тела, явилась к Тебе непорочной без греха и скверны; пусть будет она как кадило пред Тобою.

С этими словами блаженная перекрестила себе глаза, уста, сердце и с молитвою предала душу свою в руки Божии¹³. Казалось, она уснула обыкновенным сном: закрыты глаза, закрыт рот, руки как следует лежат на груди, всё тело так хорошо одето, что не требовало от рук человеческих никакого одеяния. Я же смотрел на нее и горько плакал; также и монахини, которые, до тех пор сдерживали слезы, боясь обеспокоить плачем свою духовную мать, и таили внутри свою сердечную боль, когда увидели, что она уже была без дыхания, тотчас громко заплакали и горько зарыдали. С трудом можно было уговорить их перестать плакать и начать обычное пение и молитву.

После этого я попросил их выйти ненадолго из той комнаты и остался при умершей с немногими людьми, которые были ближе к ней при жизни и служили ей; среди них была одна, по имени Вестиана. Она происходила из сенаторского рода, вышла замуж, но недолго пожила с мужем, так как он скоро переселился из этой жизни, а она, овдовев, не пожелала вступить в другой брак но, презрев славу, богатство, красоту и наслаждения этого мира, перешла к блаженной Макрине, нашла в ней нежную хранительницу своего вдовства, и пробыла при ней много лет, успешно подвизаясь в иноческой жизни. Я сказал этой Вестиане:

– Нужно теперь одеть это мертвое девическое тело в чистые одежды.

Вестиана же обратилась с вопросом к другой монахине, Лампадии:

– Как распорядилась наша духовная мать о своих похоронах?

Лампадия же, прослезившись, сказала мне:

– Кончина этой преподобной матери нашей украсилась чистою жизнью, а телесного украшения, как в жизни своей временной никогда не требовала она, так и для погребения своего не приготовила. Вот колкая власяница, вот простая ряса, вот ветхая мантия и головной покров, вот плохие сандалии, – это всё ее богатство, и ничего нигде не спрятано, ни в сундуке, ни в ризнице: одна у нее была ризница и сокровище – небесная обитель, туда положила она всё свое, а на земле ничего не оставила.

Тогда я (говорит святой Григорий) сказал тем монахиням:

– У меня есть со мной мое новое одеяние, которое я приготовил себе для погребения; угодно ли ей будет, если мы ее оденем в это мое одеяние?

Монахини отвечали мне:

– Если бы и жива была она, – не отвергла бы твоего подарка, потому что она почитала и любила тебя: почитала, как святителя, любила, как родственника, да и вообще братнее сестре не чужое.

Тогда я послал за поим погребальным одеянием и велел Вестиане и Лампадии одеть в него покойницу.

Вестиана, одевая честное тело святой Макрины, сняла с ее выи железный крест и перстень, тоже железный, на котором был изображен крест, и сказала мне:

– Вот какое украшение носила на шее невеста Христова!

Тогда я взял себе перстень, а Вестиане дал крест. При этом она мне сказала:

– Добрую часть ты выбрал себе, отец; в этом перстне есть частица животворящего древа честного креста Господня.

Потом она сказала мне еще:

– Вот посмотри еще, отец, чудесную вещь!

И, открыв немного грудь умершей, она показала мне знак на теле от бывшей когда-то раны и рассказала мне то, что сама слышала от нее лично:

– Когда еще блаженная жила при матери, сделался у ней на этом месте мучительный и неисцелимый веред; нужно было его разрезать, для чего необходимо было прибегнуть к помощи искусных врачей: иначе он должен был разойтись по всему телу, коснуться сердца и повлечь за собой смерть. Мать убеждала ее показать этот веред врачам и полечиться у них, говоря, что врачебное искусство дано Богом на исцеление людям. Ей же было очень тяжело дать мужчине смотреть на свою обнаженную грудь и позволить прикоснуться к себе и она решила лучше переносить тяжелую боль и даже умереть, чем показаться врачам.

Однажды вечером, послуживши, по обыкновению, матери своими руками, она пошла в молитвенную комнату и, затворившись, пробыла там всю ночь на молитве, творя земные поклоны и орошая слезами всю землю, прося исцеления у Самого Бога, истинного Врача души и тела. Потом, взяв горсть земли, смоченной ее слезами, она приложила ее к больному месту. На следующий день мать, печалась о ней, опять убедительно просила ее позволить врачам полечить свой веред. Она же возразила:

– Мне довольно будет, мать, если ты положишь мне на веред руку и перекрестишь ею.

И когда мать, просунув руку под ее платье и крестя, ощупала больное место, она не нашла вереда: Божиею силой выздоровела она, и рана и боль исчезли, остался только маленький знак на месте этого вереда в память чуда Божия.

Так рассказывала Вестиана, а святой Григорий записал это. Он подробно описал также и погребение ее, мы же для краткости скажем только следующее. Мертвенный лик святой Макрины был так красив, что он сиял какими-то чудными лучами. На погребение ее стеклось множество народа, никем не званного, но собранного Богом. Все собравшиеся громко плакали; народ очень теснился, стараясь прикоснуться к раке с мощами святой, и вследствие тесноты с трудом могли донести их до могилы. Положили ее в гробе ее родителей, рядом с мощами ее матери: так велела она, чтоб вместе почивали тела тех, чья жизнь протекла вместе. Из чудес ее святой Григорий, брат ее и писатель ее жития, упоминает только одно то, как преподобная при жизни своей подала исцеление одной девочке, слепой на один глаз (у ней было бельмо), целуя девочку в больной глаз: от поцелуев ее святых уст исчезло бельмо, и глаз стал хорошо видеть. О других чудесах ее тот же святой Григорий говорит так:

– Многое другое, что я слышал от живших с ней монахинь и знавших хорошо об ее делах, я не записал в этой повести, потому что многие когда им рассказывают, верят лишь тем делам, которые сами могут сделать, а тому, что свыше их сил не верят и считают ложью. Поэтому я не стану рассказывать и о том, как во время голода не истощалась пшеница, подаваемая ее руками нуждавшимся, и хлеб, раздаваемый голодным, – и о других немалых чудесах ее: о скором исцелении болезней, о изгнании бесов, о пророческом предведении, об предсказаниях будущего. Хотя это всё действительно было, всё это справедливо, однако я пройду это молчанием, чтоб не быть мне виноватым в грехе неверия людей слабых, которые, будучи преданы своей плоти, не знают, как Бог по мере веры раздает Свои дары, имеющим малую веру дает меньше даров, более верующим дает более.

Мы же, веруя во Всемогущую Силу Божию, славим Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Кондак, глас 4:

Бога благаго всем сердцем возлюбила еси Макрино преподобная: и сего крест честный на рамо приемши усердно последовала еси Ему: отонудуже согрешений обрела еси прощение.

¹ Царствовал с 306 г. по 337 г.

² Память его празднуется 1 и 30 января.

³ Память его – 10 января.

⁴ Память его – 24 сентября.

⁵ Максим Галерий управлял восточной половиной римской империи с 305 г. по 311 г.

⁶ Книга премудрости Соломона – библейская книга Ветхого Завета; принадлежит к числу неканонических. Содержанием ее служит восхваление Премудрости Божией.

⁷ Начаток – первые плоды жатвы, первый испеченный хлеб из новой пшеницы, шерсть с первых овец и т.п.; всё это приносилось в Ветхом Завете в скинию для содержания ее служителей, – священников и левитов (Исх.23:19; Числ.15:19-21). Количество первых плодов не указано в законе Моисеевом, но полагают, что это была, по крайней мере, шестнадцатая часть всех произведений земли.

⁸ Десятина, т.е. десятая часть. Этим именем в Ветхом Завете (Быт.14:20) обозначалось приношение в дар Богу десятой части произведений земли, стад и т.п. Десятина шла в пользу левитов, не имевших земельных наделов и потому нуждавшихся в средствах существования. Одну десятую часть своей десятины левиты в свою очередь вносили на содержание первосвященника (Числ.18:21-32).

⁹ Собор происходил в 341 г. и был созван по случаю освящения храма, заложенного императором Константином (306 – 337 гг.), но dokonченного уже при сыне его, Констанции. На соборе было составлено 25 правил по вопросам церковного управления.

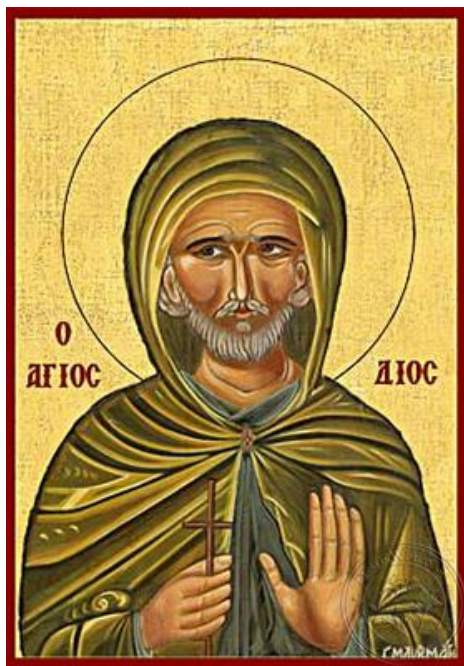
¹⁰ Т.е. диавола (ср. Быт.3:15).

¹¹ Выражение образное. Как для путника, идущего по песчаной знойной пустыне, вода является драгоценным напитком, восстанавливающим его силы, так и для путника к Царству небесному в обителях небесных уготованы неизъяснимые блага.

¹² Лоно – грудь. Выражение образное (ср. Лк.16:23).

¹³ Кончина прп. Макария последовала ок. 380 г.

Житие преподобного отца нашего Дия

Прп. Дий (IV-V вв.) родился в благочестивой семье в Антиохии. С юности отличался крайним воздержанием: питался скудно, проводил ночи в молитвах, за что удостоился дара чудотворений. По Божьему указанию переселился под Константинополь, где поселился в пустынном месте, изгнав оттуда бесов силой молитвы. Чудесным образом его посох превратился в дуб, что подтвердило святость места. Император Феодосий Младший и патриарх Аттик, посетив святого, основали на этом месте монастырь, в котором св. Дий стал игуменом. Святой прославился многочисленными чудесами: по его молитве забил источник в безводном месте, он воскресил утопленника, исцелял больных и помогал нуждающимся. Скончался около 430 года.

Родиной преподобного Дия была Антиохия Сирийская; он происходил от христианских родителей, бы воспитан в благочестии, с юности стал совершать постнический подвиг, наставленный боговдохновенными мужами на добродетельную иноческую жизнь, много боролся с невидимым врагом – диаволом и с более близким врагом, с собственною плотью, вводящею душу в соблазн. Диавола он побеждал постоянною молитвою, а плоть свою одолевал постом и бодрствованием, и многими другими трудами всячески умерщвлял тело свое земное, порабощая плоть духу. Ел он очень мало, и то не каждый день, но через день или два, а часто и целые недели проводил без пищи и без сна. Покорив себя таким воздержанием, победив врага духовного, он достиг

высокой степени бесстрастной жизни и сделался чистым жилищем Святого Духа: вселилась в него благодать Божия, и стал он человеком сильным и в деле и в слове, – творил чудеса, многих наставлял на спасение и славился через него Отец небесный. Он прожил довольно долго в Антиохии, потом Бог повелел ему в видении идти в Константинополь, чтобы принести людям еще больше пользы. Сначала он не поверил видению и боялся, нет ли тут какой-нибудь козни от диавола, ибо знал, что и диавол может преобразить себя в **ангела света** (2Кор.11:14). Но когда во второй раз было ему это же Господне явление и повеление, а кроме того ему был показан и самый город тот, в котором он никогда не был, а именно в видении он увидел весь Царьград, как он есть, – тогда он повиновался воле, делающего всё на пользу, Бога и, оставив Антиохию, прибыл в Царьград. Войдя в город и увидев святые Божии церкви, дворцы и прекрасные городские строения, он удивлялся: всё это он видел в откровении, показанном ему Богом, и тут он убедился, что видение, которое он имел, когда был в Антиохии, было истинно. Ходя не только по городу, но и по окрестностям, он нашел одно пустынное место за городом, на котором находились древние языческие могилы и жило много бесов; прохожие очень боялись этого места из-за бесовских привидений и ужасов; но ему понравилось это место, и, вооружившись силою крестною и молитвою, словно оружием, против бесов, он поселился там, построив себе маленькую хижинку. Нельзя пересказать всех беспокойств, которые ему причиняли бесы и днем и ночью. Они беспрестанно нападали на него в разных странных привидениях, желая его испугать и прогнать с того места, но он, как храбрый воин Царя небесного, призывая страшное для бесов имя Христово, мужественно сопротивлялся им, не чувствуя боязни, и побеждал их. Желая узнать, благословляет ли Господь его жить на этом месте, он помолился об этом три раза Единому в Троице Богу и, взяв свой сухой посох, воткнул его в землю со словами:

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! если этот посох произрастет здесь и пустит корни, то и я останусь здесь.

Бог же, исполняющий желание боящихся Его и принимающий их молитвы, услышал молитву угодника Своего и исполнил его просьбу: сухой посох Он оживил влагой; и принялся посох, пустил корни, выросли у него ветви, и начал он понемногу расти, пока в течение нескольких лет не вырос в большой дуб, который и впоследствии, после смерти преподобного, стоял не одну сотню лет, но много, пока процветало правоверие в христианстве. Преподобный Дий, увидев, что сухой посох принялся, понял из этого, что воля его Господа – жить ему на этом месте. Он еще крепче вооружился против бесов, очищая это место от их скверных привидений и ужасов. Долго боролись с ним бесы, но не могли одолеть его и прогнать с того места и бежали сами оттуда, как побежденные и обращенные в бегство. Очистив таким образом своими молитвами это место от бесов, святой жил в нем по ангельски, славословя Бога день и ночь, получая пищу Промыслом Божиим. Потом стали про него узнавать люди. Окрестные жители, увидев, что старец поселился на таком страшном месте, мимо которого и проходить опасно, сначала удивлялись, а потом начали приходить к нему. Увидев, что у него нет ничего в келье, стали приносить ему необходимое, а он поучал приходивших к нему пусты спасения и пользовал их боговдохновенными словами, а тем, что ему приносили, угощал приносящих, а также кормил нищих и проходящих странников. Особенно пронеслась о нем слава, когда по благодати Божией, жившей в нем, он начал исцелять людские болезни, и стало стекаться к нему множество больных, и он скоро давал им не только телесное, но и душевное здоровье: к телесным болезням, как лечебный пластырь, он прикладывал молитву, а душевные раны перевязывал полезным учением, приводя в умиление и убеждая каяться.

В то время царствовал благочестивый и христолюбивый царь Феодосий Младший¹, внук Феодосия Великого. Услыхав о преподобном Дии, он сам пришел посетить его; он удивился его образу жизни и его нестяжанию и умилился благодатию душеполезного учения, исходившего из его уст. Еще подивился он и сухому посоху, который принялся и из которого выросло дерево: он приказал на свои царские средства поставить там церковь и построить монастырь, чтоб преподобный отец начальствовал там над многими и руководил

ими на пути к спасению, а святейший патриарх Аттик уговорил преподобного принять священнический сан. Таким образом угодник Божий Дий стал игуменом собравшейся к нему братии, славным учителем всех, кто приходил к нему, чудесным врачом души тела, и был полезен всей столице. А обитель его сделалась покойным пристанищем для тех, кому некуда было преклонить голову. В обители не хватало воды, так как место то было безводное, и воду носили издалека. Поэтому братия просили преподобного позволить выкопать колодезь в монастыре, не только для монастырских нужд, но и для пользы приходящих туда. Святой согласился на их просьбу; долго копали колодезь, и выкопали уже глубоко, но воды всё не было: место было холмистое и каменистое. Братия были в отчаянии, рабочие хотели перестать работать, так как воды уже перестали ждать; тогда пришел преподобный к месту работы и, взяв заступ, велел опустить себя в колодезь; когда его опустили до половины колодезя, он велел остановить корзинку, в которой его спускали, и ударил заступом три раза в земляную стену, произнося имя Пресвятой Троицы; и тотчас оттуда вышел обильный источник воды; едва успели вытащить вон рабочих, работавших на дне колодезя: так быстро стала прибывать вода и наполнять колодезь; все удивлялись этому чуду и славили Бога. Один из рабочих, стоя наверху и видя, что вода течет из земляной стены, не поверил и сказал другому тайно, что старец волшебством каким-нибудь сделал так, что потекла вода: ибо он помышлял про себя, – как это можно, чтоб на самом дне на нашлось воды, и вдруг сверху из стен она потекла так обильно? При этих словах его внезапно постиг суд Божий: он поскользнулся, упал в воду и утонул. Узнав об этом, его жена прибежала быстро, громко рыдая, и начала кричать на преподобного и упрекать его следующими бранными словами:

– Не приходил бы ты лучше сюда, старик, волшебник, соблазнитель, губитель! Погубил ты моего мужа, вот я сама убью себя, чтоб грехи нас обоих были на твоей душе!

Много еще оскорбительного сказала она среди вопля и крика. Преподобный же стал утешать ее кротким голосом и говорил:

– Подожди немного, женщина, надейся и возьми отсюда своего мужа!

Женщина еще больше рассердилась и кричала:

– Лживый монах! откуда ты мне достанешь мужа? Неужели ты воскресишь мертвого?

И, бросившись на преподобного, она схватила его за одежду, желая разорвать ее на нем. Тогда братия вступились, схватили ее и выгнали за монастырские ворота. А святой сказал братии:

– Оставьте ее, это не она оскорбляет нас, а бес, который ее научает и который скоро будет посрамлен помогающей нам благодатью Божией.

Сказав это, он велел искать в воде утонувшего человека; его нашли и вытащили вон. Он лежал мертвым; чудотворец, угодник Божий, Дий подошел к нему, прилежно помолился Богу, взял за руку мертвеца и поднял его с земли живого; призвав жену, он отдал ей мужа. Ужаснулась жена, увидев мужа живым, и всех объял страх от этого чуда. Жена же вместе с мужем ушла домой. На дороге, не дошедши до дому, внезапно у нее только воскрешенного мужа подкосились колени, он упал на землю и снова умер. Увидев это, жена затрепетала от ужаса: она боялась, как бы и ее Бог не наказал Своим гневом, как бы и она не упала и не умерла. Она возвратилась в монастырь с плачем и рыданием, бросилась в ноги преподобному и просила прощения:

– Честный отец! Моего мужа, – сказала она, – которого Бог воскресил по твоим молитвам, Он опять умертвил за грехи мои!

И всех объял еще больший страх от дивных и неведомых судеб Божиих. А преподобный уговорил женщину остальную жизнь проводить в покаянии, оплакивать свои грехи, а братию послал с приказанием предать ее мужа обычным образом погребению.

Преподобный сотворил много и других чудес силою и содействием Всесильного Бога (но они остались нам неизвестны, потому что за древностью времени, и вследствие различных, часто случавшихся гонений на Церковь и разорений Царьграда, много книг погибло и до нас дошло то немногое, что мы рассказываем о преподобном Дии).

Чудотворец жил долго; уже в глубокой старости он заболел и был при смерти; созвав братию, поучал ее и, причастившись Божественных Тайн сделался словно мертвый, без движения, не дыша. Все, думая, что он умер, стали оплакивать его и готовиться к погребению. Прибыл и святейший патриарх константинопольский Аттік и случайно бывший тогда в городе патриарх антиохийский Александр, собралось много и других именитых лиц духовных и светских, желавших похоронить святого с честью. Он же, словно проснувшись и встав с постели, сказал:

– Бог мне дал еще пятнадцать лет жизни.

И встал он здоровый, и все радовались возвращению его из врат смертных, потому что всем он был полезен: со святителями вел духовную и богомудрую беседу, царям был молитвенником и ходатаем к Богу, ищущим спасения был образцом добродетельной жизни, грешников приводил к раскаянию, больных исцелял, странникам давал приют, нищих кормил, и каждому помогал во всякой нужде; преподобный Дий был всем для всех, каждому помогая и словом и делом, для всякого он был как бы родным отцом.

Прожив данные ему Богом пятнадцать лет в обычных постнических трудах, пользуя души многих и являясь светом миру, он приблизился к концу своей земной жизни. Однажды он вошел в церковь помолиться в святой алтарь и видит: явился ему какой-то светлый муж, одетый в священнические ризы, и сказал ему:

– Исполнилось время твоей жизни и настало время перехода тебе в жизнь нескончаемую; приготовься расстаться с телом и отойти к Господу.

Преподобный поклонился явившемуся ему мужу и горячо поблагодарил Бога за такое извещение о смертном часе, потом созвал братию, обратился к ней с последним поучительным словом и относительно своего погребения завещал не позволять, если кто захочет, брать его тело в город, но похоронить в своем монастыре. Потом, приготовив всё нужное к своей доброй христианской кончине, помолившись довольно о всех и о себе самом и простившись со всеми в последний раз, он увидел перед собою ангела Божия и отдал ему с радостью свою честную душу². Так преставился к Господу преподобный отец наш Дий. Царь и патриарх хотели перенести его честное тело в город, на защиту городу, но монахи передали его завет, не полагать нигде его тела кроме монастырской гробницы. Не смея нарушить завет старца, они исполняли его волю и предали его честно погребению в его обители, славя дивного во святых Бога, Единого в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, Ему же и от нас пусть будет честь и слава, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси ангел, и чудотворец явился еси богоносе отче наш Дие, постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляешь недужных, и души верою притекающих ти. Слава давшему ти крепость, слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 2:

Чистотою души божественно вооружився, непрестанную молитву яко копие приим державно, разсекл еси демонов полки, чудотворче отче наш Дие. Моли непрестанно о всех нас.

¹ Феодосий II (Младший) управлял восточною половиною римской империи с 408 г. по 450 г.

² Кончина преподобного Дия последовала ок. 430 г.

В тот же день преставление святого Романа Олеговича, князя Рязанского, замученного в Орде в 1270 году.

Роман Рязанский, благоверный князь

Дни памяти

*23 июня - Собор Рязанских святых
1 августа*

Св. блгв. князь Роман Олегович Рязанский (1237–1270) происходил из благочестивого княжеского рода. Стал правителем Рязани в 1258 году после смерти отца. В тяжёлые годы татарского ига князь защищал народ от насилия сборщиков дани (баскаков), за что был оклеветан перед ханом Менгу-Темиром. Вызванный в Орду, он отказался отречься от Христа. За это его подвергли жестоким пыткам: отрезали язык, выкололи глаза, отсекали конечности по частям. Принял мученическую кончину 19 июля 1270 года. Мощи его тайно перенесли в Рязань.

Церковное почитание блгв. князя Романа началось сразу после кончины.

Святой благоверный князь Роман Олегович Рязанский (в миру Ярослав) родился незадолго до нашествия татар на Русскую землю, в 1237 году. Он происходил из доблестного рода рязанских князей, заботившихся о вере и благочестии. Родоначальник рода, правнук святого равноапостольного великого князя Владимира, князь Ярослав-Константин и его дети князья Михаил и Феодор (память 21 мая/3 июня) прославились святостью жизни. Внук Константина Владимир Святославич был примером бескорыстия и самоотвержения, святой Муромский чудотворец Петр († 1228; память 25 июня/8 июля) также был внуком Константина. Дед святого князя Романа князь Олег основал Ольгов Успенский монастырь недалеко от Рязани. Два деда – князья Юрий и Олег Игоревичи – погибли в 1237 году за веру и отечество в битве с Батыем. Святой князь Роман умножил добродетели своих предков, прославив Рязанскую землю подвигом исповедничества.

Детство и юность святого князя Романа пришлось на самый первый период монголо-татарского ига и это оставило отпечаток на судьбе святого князя Романа, как и тысяч его современников. Он лишился также и родителей. Об отце святого князе Олеге Игоревиче известно, что он был взят Батыем в плен и вернулся на родину в 1252 году. Неизвестно, как уцелел от татар юный князь Роман. Существует предположение, что он был увезен епископом Рязанским и Муромским Евфросином Святогорцем в Муром.

Лишенный родных и крова, святой князь Роман с юности шел к исповедническому подвигу путем скорбей и страданий. Воспитание его было, по благочестивому русскому обычаю, церковное. Начало премудрости – страх Божий – полагалось в основание жизни через чтение Священного Писания. Кроткий князь с юности пламенел любовью ко Христу и утверждался в православной вере. Благочестие и терпение, любовь к отчизне и совершенная преданность воле Божией отличили будущего страстотерпца и исповедника.

Когда отец вернулся из татарского плена, благоверный князь был уже семейным человеком. Его супруга княгиня Анастасия происходила из рода великого князя киевского и отличалась искренней верой и благотворительностью. Трое сыновей – княжичи Феодор, Ярослав и Константин – воспитывались в благочестии и страхе Божиим.

20 марта 1258 года, после кончины отца князя Олега, перед смертью принявшего монашеский постриг, благоверный князь Роман вступил на престол обширного Рязанского княжества, которое в то время медленно оправлялось от татарского погрома. Святой князь Роман принял управление княжеством с одной надеждой на Промысл Божий и в продолжение двенадцати тяжелейших лет своего княжения сумел сохранить Рязанские

земли от новых разорений. Благоверный князь со слезами молился о своей родине и старался облегчить участь разоренного народа. Словом и примером своей жизни он внушал окружающим любовь к родной земле и Святой Церкви. Татарские сборщики дани (баскаки) злобились на святого князя, так как он постоянно удерживал их от насилий и заступался за обиженных. Однажды один из баскаков донес хану Менгу-Темиру, что благоверный князь Роман хулит хана и поносит его языческую веру. Нашлись люди, которые подтвердили клевету, и хан вызвал святого в Одру на суд.

Спокойно выслушал печальную весть кроткий князь и стал собираться в Орду, к горести семейства и всех жителей Рязани, искренно его любивших.

Отправляясь к хану, благоверный князь Роман распределил между сыновьями уделы своего княжества и причастился Святых Христовых Таин. В Орде святой князь, по слову летописца, в клевете «оправдался, но баскак напусти многи от князей татарских, и они начаша нудити его к вере их». И по повелению хана благоверный князь должен был для своего оправдания принять веру их. В порыве благочестивого негодования и любви к вере Христовой «он же глагола к ним: «Не достоин православным христианом, оставя веру свою православную, приимати веру басурманскую». Тогда начаша его бити. Он же глаголаша: «Христианин есть, и воистину, христианская вера свята, а ваша татарская вера погана есть"». Татары пылали яростью и скрежетали зубами на святого, но, видя непреклонность устремились на него и начали бить немилостиво. «Христианин есть, – восклицал князь, осыпаясь ударами, – и свята воистину вера христианская!» Он хотел еще говорить, но ему заткнули рот и, заковав цепями, бросили в темницу. В душном подземелье, связанный по рукам и ногам, св. князь Роман ослабевал телом, но укреплялся духом. Покорность Промыслу Божию, бывшая одной из основных добродетелей его жизни, поддерживала страдальца и вливала в него новые силы для перенесения наступивших мучений. Князь предчувствовал, что его ожидает, и только молился. Жребий его уже был решен ханом: он дал татарам повеление умертвить благоверного князя Романа. С жестокими ругательствами извлекли мученика из темницы и повели на место казни. Князь спокойно шел на мучение; на лице его отражалось чувство христианского смирения и душевного спокойствия, которые даются в удел немногим, очистившимся в горниле искушений. Исповедник Христов не страшился умереть за Него, но не знал, что ожидает его ужаснейшая из смертей – смерть медленная. Пришедши на место казни, святой в последний раз решил испытать силу своего слова над варварами и начал укорять их в суеверии и жестокости, грозил им гневом Божиим. Ему отрезали язык, а затем предали страшным мукам: выкололи глаза, обрезали губы. Бесчеловечие мучителей не пощадило ни одного члена страдальца, св. страстотерпца рубили по частям: сначала отняли персты рук и ног, потом отсекали руки и ноги. «И яко оастася труп един, они же содраша кожу от главы его и копие возоткнуша».

Такие страдания претерпел в Орде доблестный князь рязанский Роман Олегович в 19-й день месяца июля 1270 года. Предание гласит, что святые мощи мученика Романа Рязанского были тайно перенесены в Рязань и там с благоговением преданы земле. Место погребения осталось неизвестным. Церковное почитание благоверного князя Романа в лике святых началось сразу же после его мученической кончины. Современники называли его новым мучеником и сравнивали с великомучеником Иаковом Персянином († 421; память 27 ноября/10 декабря). Летопись говорит о святом: «Купи себе страстию Царствие Небесное и венец прият от руки Господней со сродником своим великим князем черниговским Михаилом Всеволодовичем, пострадавши по Христе за православную христианскую веру».

В 1812 году, в день памяти благоверного князя Романа, русские войска одержали первую победу при Клястицах. В память об этом на стене Московского храма в честь Христа Спасителя был написан образ святого князя Романа. По преданию, на иконах благоверный князь изображался так: «Князь не старых лет, с волосами русыми, кудрявыми, падающими на плечи тонкою волною, в собольей шубе на плечах, в бархатной поддевке; правая рука простерта на молитву, а левая держит город с церковью».

С 1854 года совершается в Рязани крестный ход и молебен в день памяти святого Романа. В 1861 году в Рязани освящен храм в честь благоверного князя Романа. В настоящее время в главном алтаре рязанского кафедрального Борисоглебского собора есть переносной престол, освященный во имя святого благоверного князя Романа Рязанского. Во время Божественной литургии в этом соборе наряду с храмовым и рядовыми тропарями поется тропарь страстотерпцу Роману, мудрому устройтелю Рязанской земли, молитвеннику, исповеднику, защитнику православной веры.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь мученика благоверного князя Романа, Рязанского, глас 1

Мученьми странноужасными/ и доблестию терпения/ всех преудивил еси, княже Романе:/ честных бо членов твоих по составом резание/ и всего телесе твоего раздробление/ претерпел еси за веру Христову./ Темже и возшел еси к Престолу Царя Христа Бога/ и явился еси новый предстатель Церкви Рязанский./ Молися убо ко Господу,/ да мир и благоденствие дарует граду нашему,/ и испроси у Него милость и спасение/ чтущим священную память твою, многострадальна.

Кондак мученика благоверного князя Романа, Рязанского, глас 2

Оклеветанный пред ханом в хулении зловерия его,/ дерзновенно предстал еси судищу нечестивому;/ убоаяся же Страшнаго Суда Христова,/ ханское повеление и страх поплевал еси, святой Романе./ Телом, яко розга, режемый,/ в страданиях уподобился еси Иакову Персянину/ и явился еси великомученик изрядный,/ столп и утверждение Церкви Рязанстей,/ заступник и воевода Российский преславный.

Празднование трем святителям: Димитрию, митрополиту Ростовскому, Митрофану и Тихону, епископам Воронежским

Празднование трем святителям – Димитрию, митрополиту Ростовскому, Митрофану и Тихону, епископам Воронежским, – установлено в XIX столетии. Посещая в 1899 году храмы епархии, архиепископ Тверской Димитрий (Самбикин; † 1908) обнаружил, что в храме в честь Рождества Христова в городе Бежецке имеется придел во имя трех вышеназванных святителей, освященный 29 октября 1868 года. Особый тропарь и кондак трем святителям составлены известным агиографом А. Н. Муравьевым по благословению епископа Полтавского Иоанна. Крестовый храм преосвященного Иоанна, расположенный в селе Андрушке, также был посвящен святителям Димитрию, Митрофану и Тихону.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

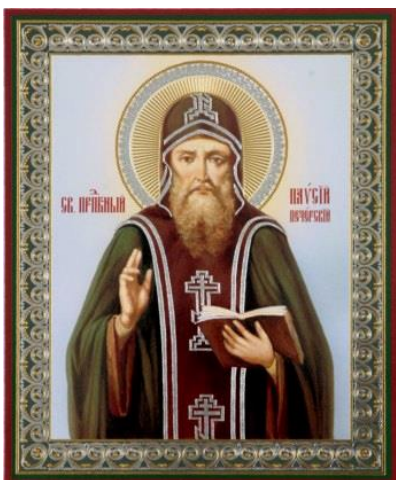
Тропарь святителей Димитрия Ростовского, Митрофана и Тихона Воронежских, глас 8

Якоже древле на Востоцех трие велиции святителие,/ сильный словом Василий,/ глубина Богословия Григорий и Златоустый Иоанн,/ тако и днесь в стране полунощней/ три новоявленная светила веры на тверди церковней востокоша:/ столп веры Митрофан,/ слово истины в лице царю исповедавый,/ и обличитель раскола Димитрий,/ мечем обоюду острым вся козни его разрешил,/ и помазания полный сосуд Тихон,/ тихостию словес своих грешника к покаянию призывай./ О велиции трие святителие земли Российския,/ молитве Христа Бога, Емуже угодни бысте,/ спаситися душам нашим.

Кондак святителей Димитрия Ростовского, Митрофана и Тихона Воронежских, глас 3

Иже в поздняя наша роды и в последняя времена/ обуреваемых тревожением житейских страстей и хладом безверия недугующих/ в скорби душевной утешивший и теплотою вашей веры согревавший,/ трие новоявленные святители Российской,/ Димитрие, Митрофане и Тихоне,/ на камени Православия утвердите ны/ и, яко чадолюбивии отцы,/ духовная чада ваша стезею заповедей отеческих в Царствие Христово вслед себе руководите.

Паисий Печерский, преподобный, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Паисий Печерский был иноком Киево-Печерского монастыря. Из общего канона Киево-Печерским преподобным, почивающим в Дальних пещерах (празднование 28 августа/10 сентября), известно, что он был связан единомыслием и братской любовью с преподобным Меркурием (сведения о нем помещены под 24 ноября/7 декабря). Оба святых были неразлучны, жили в одной келлии, а после смерти были положены в один гроб. В настоящее время мощи их почивают в отдельных раках.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Память блж. Стефана Лазаревича, князя Сербского, и матери его св. Милицы

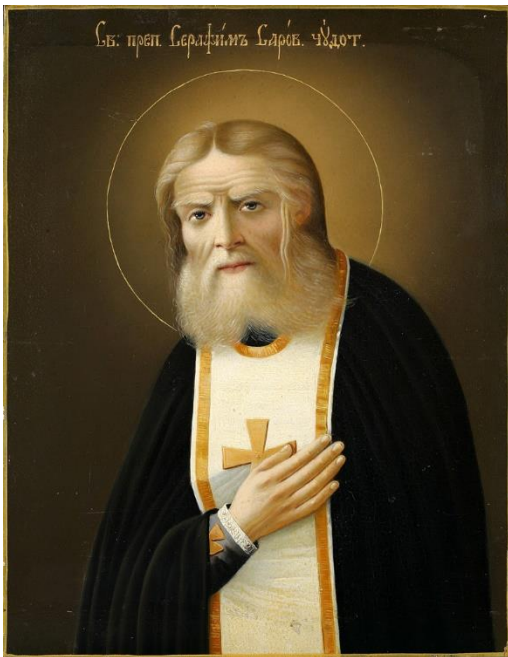
Св. Милица была супругой св. князя Лазаря [15 ин.]. После гибели мужа в трагической битве на Косовом поле в 1389 г. Милица правила Сербским королевством, пока ее сын не достиг совершеннолетия. Когда Стефан вступил на трон, она удалилась в Любостинский монастырь, ею же основанный, и постриглась с именем Евгения (1393). В дальнейшем она приняла великую схиму с именем Евфросиния. Прожив мудро и благочестиво, святая почилла в мире 11 ноября 1405 г.

Ее сын Стефан приложил немало сил для защиты христианства на Балканах, несмотря на то что натиск турок был непреодолим. Он основал монастыри в Манасии и Калениче. Св.Стефан почил в мире 19 июля 1427 г.

«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители Симонопетра.

Серафим Саровский, преподобный – прославление

Дни памяти

15 января - Преставление, второе обретение мощей

27 июня - Собор Дивеевских святых

1 августа - Обретение мощей, Собор Курских святых

10 августа - Собор Тамбовских святых

14 сентября (переходящая) - Собор Нижегородских святых

Прп. Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин, 1754-1833) — великий русский святой, родился в Курске в купеческой семье. В 7 лет упал с колокольни строящегося собора, но остался невредим. В 10 лет тяжело заболел, но исцелился после явления Божией Матери. В 1778 году ушел в Саровскую пустынь, в 1786 — принял монашеский постриг. Провел годы в строгом затворе, питаясь травой и молясь на камне. Когда он жил в лесу в уединении, к нему приходил дикий медведь, и преподобный делился с ним хлебом. В 1825 году Богородица явилась ему и велела выйти из затвора, чтобы принимать людей. Стал духовным наставником для тысяч верующих. Его главное наставление: «Стяжи дух мирен – и вокруг тебя спасутся тысячи». Скончался 2 января 1833 года в своей келии, стоя на коленях перед иконой Богородицы. Канонизирован в 1903 году. Мощи покоятся в Серафимо-Дивеевском монастыре.

В начале прошлого века на свещнице Русской Православной Церкви возгорелась новая яркая свеча. Господь благоволил послать земле нашей великого молитвенника, подвижника и чудотворца.

В 1903 году состоялось прославление преподобного Серафима Саровского, через 70 лет после его кончины. (Житие святого и подробное описание обретения нетленных его мощей помещено под 2/15 января, в день его преставления.) 19 июля, в день рождения святого, с великим торжеством были открыты его мощи и помещены в приготовленную раку. Долгожданное событие сопровождалось многими чудесными исцелениями больных, в

большом количестве прибывших в Саров. Очень широко почитаемый еще при жизни, преподобный Серафим становится одним из самых любимых святых православного русского народа, так же, как и преподобный Сергей Радонежский.

Духовный путь преподобного Серафима отмечен большой скромностью, присущей русским святым. С детства избранный Богом, Саровский подвижник без колебаний и сомнений восходит от силы в силу в своем стремлении к духовному совершенству. Восемь лет послушнических трудов и восемь лет храмового служения в сане иеродиакона и иеромонаха, пустынножительство и столпничество, затвор и безмолвие сменяют друг друга и венчаются старчеством. Подвиги, далеко превосходящие естественные человеческие возможности (например, молитва на камне в течение тысячи дней и ночей), просто и в сочетании друг с другом входят в жизнь святого.

Тайна живого молитвенного общения определяет духовное наследие преподобного Серафима, но он оставил Церкви еще одно богатство – краткие, но прекрасные наставления, записанные отчасти им самим, а отчасти слышавшими их. Незадолго до прославления святого была найдена и в 1903 году напечатана «Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни», состоявшаяся в конце ноября 1831 года, за год с небольшим до его преставления. Беседа эта явилась самым драгоценным вкладом подвижника в сокровищницу русского святоотеческого учения.

«Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, – говорил в той беседе преподобный Серафим, – сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божия. Пост же и бдение, молитва и милостыня и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божия... только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатью Духа Святого и притом, как сказано, «не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Стяжание – все равно, что приобретение. Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующи время, яко дни лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа.

В притче о мудрых и юродивых девах, когда юродивым не доставало елея, я убогий думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божиего не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Святого Духа, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие». Вот это-то и есть тот елея в светильниках у мудрых дев, который мог светло и

продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего в полночи, и войти с Ним в чертог радости.

Торжище – жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, – смерть человеческая; девы мудрые и юродивые – души христианские; елей – не дела, но получаемая через них во внутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божию. «В чем застану, в том и сужу», – говорил Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет? Вот почему сказано: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть», то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, даст благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания Духа благодати. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостать не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая снискать не можно. А до молитвы это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность – и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженными будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодарно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, грядущего со славою и силою новою судити живым и мертвым и воздать им коемуждо по делам его.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес решить умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий «дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением», а дело Божие есть «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа».

Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в ящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго».

«Батюшка, – сказал я, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Святаго Духа как о цели христианской жизни; но как же и где я могу видеть ее? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?»

«Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям

Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеком.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание от того, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши, потому и не имеем истинного просвещения от Господа. Мы не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божией и как распознать ее и чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека. И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него – так сиял он необыкновенным светом, окружающим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его блещущие, яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, сказано, осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

«Каким же образом, – спросил я батюшку о. Серафима, – узнать мне, что нахожусь в благодати Духа Святого?»

«Это, ваше боголюбие, очень просто, – отвечал он мне, – поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кричит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолом же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сия не разумеете ли?» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои писания, как святые апостолы осязательно сознавали в себе присутствие Духа Божиего... Так вот, ваше боголюбие, видите ли, как это просто?»

Я отвечал: «Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознать истинное Его явление?»

Батюшка о. Серафим отвечал: «Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?»

«Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько».

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою... Что же ты не смотришь на меня?»

Я отвечал: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли».

О. Серафим сказал: «Не устрашайтесь, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть».

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне: «Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, Которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь явиться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынноикам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами».

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистающей яркости его полуденных лучей лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху, и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?»

«Что же чувствуете вы теперь?» – спросил меня о. Серафим.

«Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу».

«Это, ваше боголюбие, – сказал батюшка о. Серафим, – тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир, по слову апостольскому, всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется «миром Божиим»... Что же еще чувствуете вы?»

– «Необыкновенную радость во всем моем сердце».

И батюшка о. Серафим продолжал: «Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он не прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем, что «в мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости ваша никто не возьмет от вас». Но как бы не была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая,

яже уготовал Бог любящим Его». Предзатки этой радости даются нам теперь; если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрутся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, явится им Бог Богов в Сионе разумения и небесных видений». Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам в мале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?»

Я отвечал: «Теплоту необыкновенную».

— «Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... какая же может быть тут теплота?»

Я отвечал: «А такая, такая бывает в бане, когда поддают на каменку и когда из нее столбом пар валит».

«И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?»

«Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию».

И батюшка Серафим, приятно улынувшись, сказал: «Я сам, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас и ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя». Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза, будучи вдеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумеет благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие теперь внутри вас и находится, а благодать Духа Святого и от вне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Ваше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питье, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Но в этом-то состоянии мы с вами теперь находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе». Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую прп. Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого...» Этою-то полнотою Духа Святого и нас убогих преисполнил теперь Господь. Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей вас?»

«Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию».

«А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что

и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли бы быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое, – говорит Он, – а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Вестъ бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете».

О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог вблизи, и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я убогий перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благодать во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не зело хваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше боголюбие, нет, но «близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горюшно».

Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничеже во имя Мое, ныне же просите и примите». Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы не попросили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имете никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру в Христа Спасителя.

Так-то, ваше боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Матерь Божия через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать сообразовали. Грядите же с миром, Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром».

И во все время беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

На этом месте заканчивается Мотовиловская рукопись (дана с некоторым сокращением).

Духовная связь с прошлым и будущим у преподобного Серафима исполнена жизненной силы. Так однажды, находясь в Духе Божию, преподобный видел всю Русскую землю, и была она наполнена и как бы покрыта фиимом молитв верующих, молящихся ко

Господу. И сам преподобный говорил: «Господь открыл мне, что будет время, когда архиереи земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишиться меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помирует их, ибо будут «учить учениям к заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня"». А дивеевским сестрам отец Серафим незадолго перед своей кончиной оставил утешительное обещание, говоря: «Для вас я живой есть, буду и во веки».

И один брат, видя истинно подвижническую жизнь о. Серафима, в назидание самому себе спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» «Потому, – отвечал старец, – что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая были и прежде, ибо, по слову Божию, Иисус Христос вчера, днесь, той же и во веки (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим разумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, заключительным словом его уст и печатью его подвигов.

Облик великого русского подвижника предстает пред нами настолько пропитанным истинным Православием, настолько явно украшенным дарами Духа Святого, что сам жизненный его путь мы узреваем как икону жизни нашей Церкви, Церкви, идущей долгим крестным путем, под терновым венцом, но идущей под водительством Пресвятой Троицы, не оставляющей рода своего – детей Божиих, того рода, о котором печется и Пречистая Богоматерь, утешающая нас в лице избранного своего старца.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь преподобного Серафима, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне,/ и, Тому Единому работати пламенно
вожделев,/ непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси,/ умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,/ избранник возлюблен Божия Матере явился еси./ Сего
ради вопием ти:// спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Тропарь преподобного Серафима Саровского, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, преподобне,/ и Тому Единому поработати пламенно
вожделев еси,/ в пустынном житии твоём непрестанною молитвою и трудом подвизался
еси,/ умиленным сердцем любовь Христову стяжав,/ Небесным Серафимом в песнословии
споборниче,/ в любви притекающим к тебе Христу подражателю,/ темже избранник
возлюблен Божия Матере явился еси,/ сего ради вопием ти:/ спасай нас молитвами твоими,
радосте наша,/ теплый пред Богом заступниче,/ Серафиме блаженне.

Кондак преподобного Серафима, глас 2

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне,/ в Саровскую обитель вселился
еси/ и, тамо ангельски пожив,/ многим путь был еси ко спасению,/ сего ради и Христос тебе,
отче Серафиме, прослави/ и даром исцелений и чудес обогати./ Темже вопием ти:// радуйся,
Серафиме, преподобне отче наш.